

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 26–35.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 2 (79). P. 26–35.

Научная статья
УДК 327.364
doi: 10.54398/1818510X_2024_2_26

МЕЖТЮРКСКИЙ ДИАЛОГ КАК ФЕНОМЕН МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дроговоз Александр Игоревич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

a.i.drogovoz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3671-1042>

Аннотация. В статье анализируются особенности межтюркского диалога как феномена в современных международных отношениях. Автор рассматривает концепцию межтюркского диалога как геополитический проект, основанный на общности тюркских народов, крупнейший из которых является государствообразующим этносом Турецкой Республики. Целью работы является выявление особенностей межтюркского диалога как феномена современных международных отношений, основанный на цивилизационном подходе и критической геополитике. Межтюркский диалог рассматривается в контексте конструирования образа «братских народов», который объединяет язык, культура, история, ценности, мировоззрение, религия и формирует наднациональную идентичность, создающую основу для межгосударственной интеграции. Турция как ведущая политическая и экономическая сила межтюркского диалога претендует на лидерство в этом проекте. Концепция «тюркского мира» выступает в качестве важного компонента внешнеполитической стратегии Анкары, формирующей собственное геополитическое видение себя в качестве независимого центра силы в формирующемся новом мировом порядке. Важную роль в этом процессе играет роль личности: Р. Т. Эрдоган во многом ассоциируется с активизацией и развитием межтюркского диалога и его становлением как фактора современных международных отношений. В то же время другие участники имеют собственные взгляды и представления на становление межтюркского диалога.

Ключевые слова: межтюркский диалог, «тюркский мир», Турция, Центральная Азия, Узбекистан, Азербайджан, страны, Тюркский совет, ОТГ, идентичность

Для цитирования: Дроговоз А. И. Межтюркский диалог как феномен международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 26–35. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_2_26.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

INTER-TURKIC DIALOGUE AS A PHENOMENON OF INTERNATIONAL RELATIONS

Alexander I. Drogovoz

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
a.i.drogovoz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3671-1042>

Abstract. The article analyzes the features of inter-Turkic dialogue as a phenomenon in modern international relations. The author considers the concept of inter-Turkic dialogue as a geopolitical project based on the community of Turkic peoples, the largest of which is the state-forming ethnic group of the Turkish Republic. The purpose of the work is to identify the features of inter-Turkic dialogue as a phenomenon of modern international relations, based on the civilizational approach and critical geopolitics. Inter-Turkic dialogue is considered in the context of constructing the image of

“brotherly peoples”, which unites language, culture, history, values, worldview, religion and forms a supranational identity that creates the basis for interstate integration. Türkiye, as the leading political and economic force in inter-Turkic dialogue, claims leadership in this project. The concept of the “Turkic world” acts as an important component of Ankara’s foreign policy strategy, forming its own geopolitical vision of itself as an independent center of power in the emerging new world order. The role of personality plays an important role in this process: R.T. Erdogan is largely associated with the intensification and development of inter-Turkic dialogue and its emergence as a factor in modern international relations. At the same time, other participants have their own views and ideas on the development of inter-Turkic dialogue.

Keywords: inter-Turkic dialogue, “Turkic world”, Turkey, Central Asia, Uzbekistan, Azerbaijan, countries, Turkic council, OTS, identity

For citation: Drogovoz A. I. Inter-Turkic dialogue as a phenomenon of international relations. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 2 (79), pp. 26–35. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_2_26.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

За последние годы межтюркский диалог получил интенсивные импульсы развития, став не только обсуждаемым, но и влиятельным фактором обширного региона проживания тюркских народов. Межтюркский диалог как феномен современных международных отношений сформировался после окончания холодной войны с образованием пяти новых тюркских государств. «Тюркский мир», в котором на особую, лидирующую роль стала претендовать Турецкая Республика, постепенно занял достаточно видное место в региональных процессах на обширном пространстве от Ближнего Востока до Центральной Азии.

Межтюркский диалог формируется как цивилизационная общность тюркских народов, претендующая на собственную уникальную нишу в региональных процессах и одновременно выступающая инструментом достижения своих геополитических целей странами-участницами на основе конструирования тюркской идентичности, предлагающей альтернативу традиционному представлению о балансе сил и великих державах, определяющих международные процессы.

В этой связи представляет интерес анализ идеологической основы межтюркского диалога, его становление и эволюция, процессы институционализации. Исходя из этого, необходимо проанализировать современное состояние, проблемы и перспективы развития межтюркского диалога как фактора современных региональных процессов.

Развитие межтюркского диалога напрямую затрагивает интересы и вопросы безопасности Российской Федерации. Для России Центральная Азия и Южный Кавказ представляют собой части постсоветского пространства, которое рассматривается как приоритетное направление для «активизации сотрудничества в сфере содействия международному развитию» [16]. Концептуальным воплощением российской цивилизации в настоящее время выступает «русский мир», объединяющий русскоговорящих людей, носителей русской культуры [6]. В этом плане межтюркский диалог выступает как конкурент концепции «русского мира», предлагающий тюркским государствам и народам Российской Федерации альтернативу под неформальным лидерством Турции.

Вопросы межтюркского диалога достаточно широко освещаются в научной литературе. В частности, В. А. Аватков анализирует понятие «тюркский мир» и формируемые на этой основе тюркские организации [1]. С. А. Васильева исследует теоретическую базу современного пантюркизма [4]. Г. А. Луговой изучает интеграционный потенциал пантюркизма на примере политики Турецкой Республики [10]. Р. Алпаут рассматривает вопросы тюркского населения Поволжья в контексте «тюркского мира», продвигаемого в первую очередь Турцией [3].

И. Христов исследует вопросы идеологической основы тюркизма, выводя их из концепции пантюркизма, идеологии, получившей распространение в период упадка и попыток реформ в Османской империи, и возродившейся в рамках неоосманизма как идеологической основы внешней политики современной Турецкой Республики как крупнейшего тюркоязычного государства [22]. Х. У. Намзи исследует антизападную политику Турции в рамках концепции неоосманизма, в том числе её сближения с тюркскими государствами [20]. Х. Фидан рассматривает вопросы сотрудничества в рамках межтюркского диалога сквозь призму отношений Турции и тюркских государств Центральной Азии [19]. В схожем контексте анализируют сотрудничество тюркских государств казахстанский исследователь М. Лаумуллин [8] и узбекистанский эксперт З. Саримсоков [15]. Узбекистанский исследователь У. Хашимова отмечает роль Узбекистана в активизации межтюркского диалога, произошедшем за последние годы [21]. Г. Джумаева, А. Бобозонов изучают развитие Организации тюркских государств и её потенциал как ведущей структуры «тюркского мира» и Центральной Азии [7].

Постоянный исследовательский интерес к теме межтюркского диалога указывает на актуальность данной темы, а его институционализация и тенденции развития в условиях трансформации системы международных отношений, сотрудничества и соперничества великих держав, жизненно важных интересов России на постсоветском пространстве и наличие значительных тюркских общин на территории Российской Федерации обуславливают необходимость комплексного изучения межтюркского диалога как феномена современных процессов регионального сотрудничества, предлагающего уникальную идентичность как цивилизационную основу тюркского мира.

С теоретико-методологической точки зрения межтюркский диалог, основанный на этнической и культурно-исторической общности тюркских народов, автором интерпретируется в рамках цивилизационного подхода, объединяющего народы и государства на основе культурной идентичности, создающей основы для сближения на международной арене [14]. В то же время межтюркский диалог является важной частью формируемого Турцией геополитического пространства с собственным доминирующим влиянием, обосновывая его существование историческими и социокультурными нарративами, объясняемыми в рамках критической геополитики [13].

Основная часть

Идеологические основы и эволюция «межтюркского диалога»

Тюркский фактор в современных международных отношениях сформировался на фоне окончания холодной войны и образования независимых государств на месте Советского Союза. Распад Советского Союза «открыл» для Турции постсоветское пространство. Идеологическим обоснованием проникновения Турции и более того – претензий на её «особые» отношения с тюркскими республиками и народами стали модернизированные под условия конца XX в. идеи пантюркизма.

Идеологически «тюркский мир» стал выражением тюркского национализма, который оформился в начале XX в. в переживавшей глубокий упадок Османской империи на фоне разочарования в идеях османизма и панисламизма и стал ещё одной надеждой на возрождение Османской империи на основе тюркской нации, а не династии, как это было ранее. Последователи пантюркизма утверждали необходимость сделать ставку на огромный «турецкий (тюркский) мир», который включает в себя тюркские народы Евразии. Новизна идеи заключалась в том, что вплоть до распада Османской империи не признавалось никакой отдельной турецкой нации, а основа Османской империи исключала национализм и подразумевала опору на династию и религиозные основы государственности [22].

Турецкая идентичность при всех своих преимуществах могла стать подрывной для самих основ многонациональной Османской империи. В этой связи можно отметить вклад выдающегося писателя и политического деятеля Зии Гёкальпа, который активно развивал положения пантюркизма как целостной идеологии. Свои основные философские и политические взгляды им были изложены в работах «Основы тюркизма»,

«История турецкой цивилизации», «Исламизация». В них Зия Гёкальп развивал идеи тюркской интеграции в рамках новой Османской империи, в которой главную роль играет Великая Турция [22].

Распад Османской империи и образование Турецкой Республики привели к образованию национального государства с ярко выраженным этноцентризмом. Основоположник Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк выделил шесть ключевых принципов нового государства, одним из которых стал национализм. Этноцентризм был закреплён в конституции страны, утверждавшей, что каждый гражданин Турции является турком [18].

При этом переход к турецкому национализму не означал торжества пантюркистских идей или реализации проекта тюркской идентичности от Китая до Адриатического моря. Геополитического пространства для продвижения межтюркского диалога фактически не существовало, а Турция по внутренним и внешним причинам воздерживалась от активной идеологической экспансии.

Образование на месте Советского Союза пяти новых тюркских республик на фоне завершения холодной войны привели к активизации внешней политики Турции в отношении постсоветского пространства. Обновленные идеи пантюркизма стали составной частью новой политической философии неосманизма, объединяющей пространство бывшей Османской империи, продвижения турецкой версии ислама с сохранением основ светской политической системы и нарратива тюркской идентичности как основы продвижения собственных геополитических интересов.

Турецко-центричность межтюркского диалога основывалась на особом положении Турции как крупнейшего по численности населения тюркоязычного государства, превосходящего все остальные вместе взятые (табл. 1), культурно-историческом наследии, формирующем общую тюркскую идентичность, а также экономическом положении страны, подкрепляющем её неформальный статус лидера.

Таблица 1. Численность населения государств межтюркского диалога по состоянию на 2023 г. [23]

Страна	Численность населения, млн
Турция	85,8
Узбекистан	35,1
Казахстан	19,6
Азербайджан	10,4
Туркменистан	6,5
Кыргызстан	6,7

Турция занимает геополитически важное положение на стыке Европы и Азии, предлагая республикам Центральной Азии привлекательные логистические возможности. Анкара предлагает транспортные коридоры через Иран, в то время как Срединный транспортный коридор (альтернативный южному – через Иран, и северному – через Россию) позиционируется ею как наиболее безопасный и выгодный в современных условиях [27].

Экономика Турции не позволяет ей рассчитывать на лидирующие роли в условиях острой конкуренции со стороны России или Китая в Центральной Азии, однако нарратив общей идентичности предполагает возможность некоторых привилегий при том, что турецкая экономика превосходит экономики всех в совокупности стран межтюркского диалога (табл. 2).

Турция рассматривает себя как ключевого актора в продвижении «меجتюркского диалога», считая своими сильными сторонами географическое положение, историю и опыт дипломатии [19]. Президент турецкого аналитического центра “Ankara Policy Centre” У. Севинок подчёркивает роль Турции как «связующего звена Евразии». В Центральной Азии Турция находится в благоприятной среде, с общими

историческими корнями и светскими традициями, и за последние десятилетия Турции удалось создать в том числе социальную взаимозависимость между странами Центральной Азии и Турцией, создавая содружество тюркоязычных стран. При этом он отмечает центральную роль Узбекистана в том, является ли сотрудничество преимущественно двусторонним (без активного участия Узбекистана) или многосторонним (с активным участием Узбекистана) [26].

Таблица 2. ВВП стран «тюркского мира» в 2022 г. [24]

Страна	ВВП, млрд долл.
Турция	906
Узбекистан	80,9
Казахстан	221
Азербайджан	78,7
Туркменистан	45,6
Кыргызстан	10,9

М. Лаумулин отмечает растущие возможности Турции, в том числе в Центральной Азии, и её политику он характеризует как «неокемализм», сочетающий национализм и турецкую версию «умеренного исламизма». Важными инструментами «мягкой силы» Анкары выступили Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет старейшин, Всемирная ассамблея тюркских народов, а также Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ). В рамках этих структур обсуждались вопросы культурно-образовательной деятельности, политического и торгово-экономического сотрудничества [9].

Изначально саммиты тюркоязычных государств позиционировались как форумы с участием всех стран, которые имеют общие языковые корни с Турцией. Начиная с 1992 г. было проведено десять саммитов глав государств тюркоязычных стран. Хотя Узбекистан объявил о выходе из этой структуры, Турция продолжала активно продвигать свою инициативу, следуя логике формирования новой тюркской идентичности как своеобразного преломления пантюркизма сквозь призму «турецкой перестройки», которая произошла в конце XX – начале XXI в. [11]. Идеи пантюркизма являются органичной частью идеологии неоосманства и формирования региональной «империи» нового типа, основанной на зоне влияния [1].

Между тем, нарратив тюркской идентичности не воспринимается в странах Центральной Азии в таком же ключе, как в Анкаре. Узбекистан в период президентства И. А. Каримова, после первых лет активного сближения отверг сам концепт, опасаясь оказаться в фарватере турецкой внешней политики. Как отметил первый президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев, страны региона не хотели получить нового «старшего брата» [12]. Туркменистан дистанцируется от любых попыток интеграции, придерживаясь курса нейтралитета и самоизоляции, в настоящее время ограничиваясь ролью наблюдателя в Организации тюркских государств.

На этом фоне готовностью развивать всестороннее сотрудничество выделяется Азербайджан. Баку разделяет с Анкарой общее видение касательно ключевых для себя отношений с Арменией. Если для Азербайджана основной была проблема Нагорного Карабаха, а в настоящее время – условия мирного договора, то для Турции определяющим оставался вопрос «геноцида армянского народа». Помимо этого, Анкара и Баку выстраивали общие транспортные и энергетические проекты, крупнейшим из которых стал нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан. Что имеет ещё большее значение, Турция выступила в роли основного союзника Азербайджана в его конфликте с Арменией, приведшем к восстановлению суверенитета Баку над Нагорным Карабахом. В этой связи «западное крыло» межтюркского диалога традиционно преваляло над «восточным», в котором странами-участницами выступали Казахстан и Кыргызская Республика, а с 2017 г. – Узбекистан.

Таким образом, «межтюркский диалог» отражает трансформацию пантюркизма из идеологии, которая преследовала цель укрепить турецкую идентичность в самой Турции, в набор инструментов во внешнеполитической стратегии, который направлен на увеличение влияния Анкары. Риторика пантюркизма направлена на обслуживание геополитических интересов Турции [10]. Современный межтюркский диалог невозможен без Турции и её понимания тюркской идентичности как практики, активно использующей как негосударственные структуры, так и возможности государства [4].

Современное состояние межтюркского диалога: от Тюркского совета к Организации тюркских государств (ОТГ)

Вступление Узбекистана в межтюркский диалог в качестве его полноправного участника позволило вывести этот процесс на новый уровень развития. Узбекистан является вторым по численности населения тюркским государством, уступая только Турции. Изменение позиции Ташкента по вопросу межтюркского диалога стало причиной его трансформации из преимущественно двустороннего сотрудничества в многосторонний формат.

Если в период президентства И. А. Каримова Узбекистан дистанцировался от идей углубления сотрудничества на основе «тюркского мира», опасаясь усиления влияния Турции на свою внешнюю политику, то с приходом к власти президента Ш. М. Мирзиёева Ташкент резко активизировал данный вектор сотрудничества.

Вступление Узбекистана в преобразованный по его инициативе Тюркский совет способствовал резкой активизации этой структуры и положил начало её трансформации в полноценную организацию, которая объединила все тюркоязычные государства, кроме Туркменистана, имеющего статус наблюдателя (как и Венгрия). Вступление Узбекистана стало данью уважения Турции, которая пригласила Узбекистан присоединиться к организации во время визита Ш. М. Мирзиёева в Анкару в октябре 2017 г. [25].

В своих выступлениях на саммитах ОТГ Ш. М. Мирзиёев акцентировал внимание на тюркской идентичности. В частности, в выступлении на очередном саммите ОТГ, состоявшемся 11 ноября 2023 г., он использовал термин «братские народы» и обращался к президенту Турции «мой брат». В небольшом выступлении термин «тюркский» в разных склонениях был использован 21 раз. Учитывая позицию Турции и Азербайджана по конфликту в Нагорном Карабахе, он поздравил «народ Азербайджана с великой победой – полным восстановлением территориальной целостности страны» [5].

Вместе с тем признание значения тюркской идентичности не означает фокусирования внешней политики на турецком направлении. Вопросы идентичности новых независимых тюркских государств рассматривались ими в более широкой плоскости, чем нарратив тюркской общности. Для Узбекистана вступление в межтюркский диалог означает не признание тюркского единства в духе пантюркизма, но поворот в сторону Турции, который следует воспринимать как часть общей внешнеполитической стратегии, направленной на открытость и всесторонне развитие взаимодействия.

Узбекистанские эксперты указывают на прагматичный характер сотрудничества, и участие страны в ОТГ вписывается в общую картину развития сотрудничества в рамках региональных организаций, которые предлагают более удобные форматы взаимодействия. ОТГ для Узбекистана является одной из таких региональных организаций [17].

Страны межтюркского диалога, за исключением Турции, рассматривают данный формат сотрудничества скорее как ещё один вектор развития, который повышает возможности выбора в условиях геополитической конкуренции в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

В этой связи Турция как неформальный лидер организации подчёркивает отсутствие намерений политизировать проект, акцентируя внимание на новом стиле дипломатии, основанном на гуманитарном, экономическом и транспортно-коммуникационном аспектах, представляя модель регионального сотрудничества, основанную на тюркской цивилизационной идентичности.

Тюркский совет за небольшой период существования не предлагал преимуществ экономического сотрудничества для своих членов, в его рамках не разрабатывались региональные инфраструктурные проекты, а единственным проектом стал совместный турпакет по современному Шёлковому пути [21]. Тюркский совет не пытался конкурировать в Центральной Азии с ЕАЭС или ОДКБ, однако продвигаемый Турцией формат сотрудничества позволяет демонстрировать её намерения и попытки занять свою уникальную нишу, основанную в том числе на этнокультурной общности. При этом в деятельности Тюркского совета принимают участие представители тюркских народов России [21].

Новый этап продвижения тюркской общности произошёл в связи с преобразованием Тюркского совета в Организацию тюркских государств в 2021 г. Организация тюркских государств обладает потенциалом стать ведущим инструментом «мягкой силы» Турции в Центральной Азии, однако реализация этого потенциала напрямую зависит от способности Анкары удержаться от политизации повестки дня и сосредоточиться на прагматичных и реализуемых проектах, утверждающих общность тюркских государств на равноправной основе.

С этой точки зрения представляется важным то, что предложение Турции о вступлении Турецкой Республики Северного Кипра в ОТГ в качестве равноправного члена не получило поддержки и было отклонено [7]. Тем самым, хотя в ОТГ лидирующую роль играет Турция, другие тюркские государства за счёт выработки коллективных решений и подходов к решению региональных и международных проблем могут повысить своё влияние как субъектов международных отношений.

На фоне отсутствия фундаментальных противоречий между Турцией и другими тюркскими республиками нарратив тюркской идентичности не встречает сопротивления среди стран-участниц. На этом фоне «естественной» выглядит риторика о «братской дружбе» тюркских народов, их общих исторических и этнических корнях, дополняемая осуществляемыми проектами в культурно-гуманитарной, в том числе образовательной и религиозной сфере.

Так, в Казахстане действуют Международный казахско-турецкий университет и казахско-турецкие лицеи, Турция осуществляет финансирование строительства мечетей. В Турции проходят обучение имамы из Центральной Азии, установлены памятники выдающимся представителям народов Центральной Азии [9]. Казахский эксперт И. Акылбаев отмечает, что современная Турция сменила внешнеполитический дискурс цивилизационного «моста» между Востоком и Западом на концепцию «центральной силы», в роли которого выступает Анкара как сильный и независимый геополитический центр. В то же время возможности Турции ограничены её ресурсами и некоторой географической удалённостью, в связи с чем она едва ли сможет конкурировать по своему влиянию с Россией или Китаем [2]. Показательно, что импульсом современного усиления фактора «межтюркского диалога» стала позиция Узбекистана, а не динамика процессов «тюркского мира».

В этой связи укрепление «межтюркского диалога» и попытки вовлечения в него тюркских народов Российской Федерации на современном этапе сложно рассматривать в качестве угрозы российским национальным интересам, затрагивающим тюркоязычные регионы внутри страны, даже если Турция их рассматривает как исторически связанные с ней области её влияния. Турция не в силах предложить тюркским народам России что-то сопоставимое с их безопасным развитием как субъектов Российской Федерации [3].

Выводы

Межтюркский диалог как феномен современных процессов регионального сотрудничества сформировался после окончания холодной войны. Его инициатором и неформальным лидером была и остаётся Турция, для которой он является одним из проявлений идеологии неоосманизма. Тюркская цивилизационная идентичность стала базовым нарративом продвижения Анкарой своих геополитических интересов на постсоветском пространстве.

В то же время политизация повестки дня встречает настороженное отношение, связанное с возможным вмешательством Турции в региональные процессы и внутренние дела, в связи с чем сами турецкие государства дистанцируются от подобных проектов, рассчитывая извлечь дивиденды из сотрудничества с крупной региональной державой, расположенной стыке Европы и Азии и предлагающей экономические и логистические возможности для Южного Кавказа и особенно Центральной Азии.

Россия, с одной стороны, рассматривает «туркский мир» как вторгающийся в её ближнее зарубежье и, возможно, затрагивающий регионы компактно проживающего турецкого населения в самой Российской Федерации, прежде всего в Поволжье, на Северном Кавказе и в Крыму, с другой – как возможность сотрудничества в противодействии угрозам безопасности, включающим терроризм.

Список литературы

1. Аватков, В. А. Туркский мир и турецкие организации / В. А. Аватков // *Мировая политика*. – 2018. – № 2. – С. 11–25.
2. Акылбаев, И. Внутренние вызовы внешней политики Турции: влияние на Центральную Азию / И. Акылбаев. – URL: <https://cabar.asia/ru/iskander-akylbaev-vnutrennie-vyzovy-vneshnej-politiki-turtsii-vliyanie-na-tsentralnuyu-aziyu-2> (дата обращения: 08.01.2024).
3. Алпаут Р. Угроза пантюркизма от татарской молодежи или сигналы для Анкары / Р. Алпаут. – URL: <https://www.idelreal.org/a/29759517.html> (дата обращения: 08.01.2024).
4. Васильева, С. А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность / С. А. Васильева // *Социум и власть*. – 2011. – № 3. – С. 75–78.
5. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств Организации турецких государств. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6831> (дата обращения: 08.01.2024).
6. Гриценко, В. Русский мир как цивилизационный проект / В. Гриценко, А. Опошнянский // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2017. – № 2. – С. 205–209.
7. Джумаева, Г. Станет ли ОТГ ведущей платформой в Центральной Азии? / Г. Джумаева, А. Бобозонов. – URL: <https://cabar.asia/ru/stanet-li-otg-vedushhej-platfornoj-v-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 08.01.2024).
8. Лаумулин, М. Турция и Центральная Азия / М. Лаумулин. – URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=49758> (дата обращения: 08.01.2024).
9. Лаумулин, М. Место и роль Турции в современном мире / М. Лаумулин. – URL: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/3478> (дата обращения: 08.01.2024).
10. Луговой, Г. А. Интеграционный потенциал пантюркизма: на примере внешней и внутренней политики Турции / Г. А. Луговой // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. Сер.: Политология. История. Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 144–151.
11. Надеин-Раевский, В. Турция в поисках опоры / В. Надеин-Раевский, А. Фролов. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1814> (дата обращения: 08.01.2024).
12. Назарбаев, Н. А. На пороге XXI века / Н. А. Назарбаев. – Алматы : Өнер, 1996. – 285 с.
13. Окунев И. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики / И. Окунев // *Сравнительная политика*. – 2014. – № 4. – С. 6–14.
14. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2003. – 603 с.
15. Саримсоков, З. Туркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии / З. Саримсоков // *Постсоветские исследования*. – 2020. – № 7. – С. 609–615.
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.01.2024).
17. Эксперты объяснили, зачем Узбекистану Организация турецких государств. – URL: <https://podrobno.uz/cat/politic/eksperty-obyasnili-zachem-uzbekistanu-organizatsiya-tyurkskikh-gosudarstv/> (дата обращения: 08.01.2024).
18. Constitution of the Republic of Türkiye. – URL: <https://cdn.tbmm.gov.tr/TbmmWeb/Icerik/Dosya/2e5836e4-4d42-4255-92ff-7e749130096c.pdf> (accessed: 08.01.2024).
19. Fidan, H. Turkish foreign policy towards Central Asia / H. Fidan // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. – 2010. – № 12 (1). – P. 109–121. – doi: 10.1080/19448950903507560.

20. Hazır Ümit Nazmi. Anti-Westernism In Turkey's Neo-Ottomanist Foreign Policy Under Erdoğan / Hazır Ümit Nazmi. – URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/anti-westernism-in-turkey/> (accessed: 08.01.2024).
21. Hashimova, U. Uzbekistan Joins the Turkic Council / U. Hashimova. – URL: <https://thediplomat.com/2019/09/uzbekistan-joins-the-turkic-council/> (accessed: 08.01.2024).
22. Hristov, I. Neo-Ottomanism – Emergence, Ideology and Political Doctrine / I. Hristov. – URL: <https://www.sociostudies.org/journal/articles/2091067/> (accessed: 08.01.2024).
23. PopulationPyramid.net. – URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/2023/> (accessed: 08.01.2024).
24. Take-profit.org. – URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/> (accessed: 08.01.2024).
25. Soli, Özel. The Crisis in Turkish-Russian Relations / Soli Özel. – URL: <https://cdn.americanprogress.org/wp-content/uploads/2016/05/06105046/TurkishEssay-Ozel.pdf> (accessed: 08.01.2024).
26. Unal Cevikoz. Turkey in a Reconnecting Eurasia / Unal Cevikoz. – URL: <https://www.csis.org/analysis/turkey-reconnecting-eurasia> (accessed: 08.01.2024).
27. Raagini Shekher Sharma. Middle Transport Corridor: Trade and Security Benefits for Wider Region Coupled with Challenges / Raagini Shekher Sharma. – URL: <https://rieas.gr/images/editorial/midcor3.pdf> (accessed: 08.01.2024).

References

1. Avatkov, V. A. Tyurkskiy mir i tyurkskiye organizatsii [Turkic world and Turkic organizations]. *Mirovaya politika* [Global politics]. 2018, no. 2, pp. 11–25.
2. Akylbaev, I. *Vnutrenniye vyzovy vneshney politiki Turtsii: vliyaniye na Tsentralnuyu Aziyu* [Internal challenges of Turkish foreign policy: impact on Central Asia]. Available at: <https://cabar.asia/ru/iskander-akylbaev-vnutrennie-vyzovy-vneshnej-politiki-turtsii-vliyanie-na-tsentralnuyu-aziyu-2> (accessed: 01.08.2024).
3. Alpaut, R. *Ugroza pantyurkizma ot tatarskoy molodezhi ili signaly dlya Ankary* [The threat of pan-Turkism from Tatar youth or signals for Ankara]. Available at: <https://www.idelreal.org/a/29759517.html> (accessed: 01.08.2024).
4. Vasileva, S. A. Pantyurkizm na sovremennom etape: teoreticheskaya baza i prakticheskaya deyatel'nost' [Pan-Turkism at the present stage: theoretical basis and practical activity]. *Sotsium i vlast* [Society and power]. 2011, no. 3, pp. 75–78.
5. *Speech by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at a meeting of the Council of Heads of State of the Organization of Turkic States*. Available at: <https://president.uz/ru/lists/view/6831> (accessed: 01.08.2024).
6. Gritsenko, V., Oposhnyanskiy, A. Russkiy mir kak tsivilizatsionnyy proyekt [Russian world as a civilizational project]. *Vestnik Krasnodarskogo Universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2017, no. 2, pp. 205–209.
7. Dzhumaeva, G., Bobozonov, A. *Stanet li OTG vedushchey platformoy v Tsentralnoy Azii?* [Will OTS become the leading platform in Central Asia?]. Available at: <https://cabar.asia/ru/stanet-li-otg-vedushchey-platformoj-v-tsentralnoj-azii> (accessed: 01.08.2024).
8. Laumulin, M. *Turtsiya i Tsentralnaya Aziya* [Türkiye and Central Asia]. Available at: <http://carnegie.ru/publications/?fa=49758> (accessed: 01.08.2024).
9. Laumulin, M. *Mesto i rol Turtsii v sovremennom mire* [The place and role of Turkey in the modern world]. Available at: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/3478> (accessed: 01.08.2024).
10. Lugovoy, G. A. Integratsionnyy potentsial pantyurkizma: na primere vneshney i vnutrenney politiki Turtsii [Integration potential of Pan-Turkism: the example of Turkey's foreign and domestic policies]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya"* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Political Science. History. International Relations"]. 2012, no. 1, pp. 144–151.
11. Nadein-Raevsky, V., Frolov, A. *Turtsiya v poiskakh opory* [Türkiye in search of support]. Available at: <http://interaffairs.ru/jauthor/material/1814> (accessed: 01.08.2024).
12. Nazarbayev, N. A. *Na poroge XXI veka* [On the threshold of the 21st century]. Almaty: Oner; 1996, 285 p.
13. Okunev, I. Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskiy sdvig v issledovatel'skoy paradigme geopolitiki [Critical geopolitics and post-critical shift in the research paradigm of geopolitics]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics]. 2014, no. 4, pp. 6–14.
14. Huntington, S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST; 2003, 603 p.
15. Sarimsokov, Z. Tyurkskiy faktor v politike myagkoy sily Turtsii v otnosheniyakh so stranami Tsentralnoy Azii [The Turkic factor in Turkey's soft power policy in relations with the

countries of Central Asia]. *Postsovetskiye issledovaniya* [Post-Soviet studies]. 2020, no. 7, pp. 609–615.

16. *National Security Strategy of the Russian Federation*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed: 01.08.2024).

17. *Eksperity obasnili, zachem Uzbekistanu Organizatsiya tyurkskikh gosudarstv* [Experts explained why Uzbekistan needs the Organization of Turkic States]. Available at: <https://podrobno.uz/cat/politic/eksperty-obyasnili-zachem-uzbekistanu-organizatsiya-tyurkskikh-gosudarstv/> (accessed: 01.08.2024)/

18. *Constitution of the Republic of Türkiye*. Available at: <https://cdn.tbmm.gov.tr/TbmmWeb/Icerik/Dosya/2e5836e4-4d42-4255-92ff-7e749130096c.pdf> (accessed: 08.01.2024).

19. Fidan, H. Turkish foreign policy towards Central Asia. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2010, no. 12 (1), pp. 109–121. doi: 10.1080/19448950903507560.

20. Hazır Ümit, Nazmi. *Anti-Westernism In Turkey's Neo-Ottomanist Foreign Policy Under Erdoğan*. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/anti-westernism-in-turkey/> (accessed: 08.01.2024).

21. Hashimova U. *Uzbekistan joins the Turkic Council*. Available at: <https://thedi diplomat.com/2019/09/uzbekistan-joins-the-turkic-council/> (accessed: 08.01.2024).

22. Hristov, I. *Neo-Ottomanism – Emergence, Ideology and Political Doctrine*. Available at: <https://www.sociostudies.org/journal/articles/2091067/> (accessed: 08.01.2024).

23. PopulationPyramid.net. Available at: <https://www.populationpyramid.net/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/2023/> (accessed: 08.01.2024)/

24. *Take-profit.org*. Available at: <https://take-profit.org/statistics/gdp/> (accessed: 08.01.2024)/

25. Soli, Özel. *The Crisis in Turkish-Russian Relations*. Available at: <https://cdn.americanprogress.org/wp-content/uploads/2016/05/06105046/TurkishEssay-Ozel.pdf> (accessed: 08.01.2024).

26. Unal, Cevikoz. *Turkey in a Reconnecting Eurasia*. Available at: <https://www.csis.org/analysis/turkey-reconnecting-eurasia> (accessed: 08.01.2024).

27. Raagini, Shekher Sharma. *Middle Transport Corridor: Trade and Security Benefits for Wider Region Coupled with Challenges*. Available at: <https://rieas.gr/images/editorial/midcor3.pdf> (accessed: 08.01.2024).

Информация об авторе

Дроговоз А. И. – аспирант.

Information about the author

Drogovoz A. I. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.